

1.

Умерли обе, но шлют непонятные знаки:
их объяснить не смогут ни каббалисты, ни зодиакы,
ни Мессиаана орган,
ни печатный орган одной из партий —
ни король бубновый, выпавший мне маршрутом на гугл-карте.
Вот и бубню теперь никому не нужные строчки,
пытаюсь понять значение каждого двоеточия и каждой точки
на восемьдесят восьмой странице немислимо толстой книги:
только я из другой команды и вовсе не в этой лиге.

Ты не звонишь, потому что тебе очевидно пофиг:
даже для гущи кофейной нужен хороший кофе;
тени сегодня ровные, будто бы их нанесли по рейсшине —
я между ними стою: передом к лесу и задом к своей машине.

Господи, что ты ещё захотел от меня добиться?
Ты ли это — или просто какая-то чёрная птица?
Что ты всё время хочешь от смертных нас, от бесталанных —
я устал копать в текстах твоих, будто бы в базе данных.

Если знаки мне шлёт она, значит нет после смерти — смерти:
значит не отдохнёте и там, как вам обещали, — не верьте.
Значит и там не будет душе покоя:
снова захочется пещься о ком-то, заботиться и всё такое.

Тени сегодня ровные, будто бы их нанесли по рейсшине —
я между ними стою: передом к лесу и задом к своей машине.

Сосны тянутся вверх, как я раньше писал, образуя нити;
даже трофейной губной гармошке
нужен штыком продырявленный китель,
мины осколок — пробитому барабану,
органные трубы безумному Мессиану...

Сколько сегодня птичьего шума и сколько яркого света!
Всякая песня жива, покуда не спета.

2.

Всякий ребёнок без матери — далеко от дома.
Всякий Иосиф в Египте ждёт расправы или погрома;
или того, что какая-то прицепится шмара —
о которой науке известно только то, что жена Потифара.
Иосиф ведь тоже лишь потому далеко от дома,
что любовь материнская ему почти незнакома,
что буквально сразу, с минуты зачатья
у него, прямо скажем, были не самые лучшие братья.
О каком вы мне братстве всю жизнь говорите, ребята,
если первый же брат порешил с удовольствием брата?
Сколько же братьев было, которых братья убили? —
а ведь брат — это только тот, кто рядом лежит
в братской могиле.
Больно от этого мне сейчас почти нестерпимо.
У меня за окном силуэты соснового дыма:
как всегда на ветру параллельно качаются сосны —
только мысли о жизни, когда я смотрю из окна, нелепы, несносны.
Понятно, что всё это было когда-то в веках или в самом начале,
и что, умножая познания,
мы умножаем печали.
Ох, как эта печаль мне давно и привычно знакома...
Всякий ребёнок без матери — далеко от дома.
А дом — это место, куда во сне приезжаешь обратно,
нажимаешь в лифте восьмой этаж опять и опять многократно,
ищешь в кармане болгарские сигареты и спички,
наблюдаешь с балкона зелёные электрички, —
постоянно идущие мимо,
идущие мимо —
в силуэтах соснового дыма,
соснового дыма.

Колыбельная Бриттена.
Тихо сегодня. Тихо.
Книга лежит раскрытая —
может быть, это выход
из бесконечного круга сплошной одинокой ночи?
В книге стихи,
они помогают не очень.
Я думаю про Исаака —
слепой он лежит и старый:
для слепого везде темнота,
даже если он сын Авраама и Сарры;
и пока он лежит, приходит к нему Иаков:
— Кто это?
— Я...
— Это может сказать всякий...
Что он знает в этот момент —
один,
слепой в темноте,
с отяжелевшим веком,
когда даже собственный сын
подставил его.
Обманула жена Ревекка.
Эх, осторожный старик,
незрячий, ненужный, робкий —
благословенье твоё в этот миг
не стоит цены чечевичной похлёбки.
Помнишь, как твой отец —
собственными руками
хотел положить тебя, будто одну из овец,
на плоский жертвенный камень?..
Тихо сегодня. Тихо.
Время проходит будто песок сквозь сито.
Музыка. Колыбельная.
Снова — по кругу — Бриттен.
Книга стихов раскрыта,
она помогает не очень.
Только везде темнота —
бесконечное время ночи.

4.

Сердце сбивается с ритма — это, наверное, старость:
мысли теперь о простом: о том, сколько мне осталось.

Кошка лежит в ногах, изображая усталость,
а ведь она проспала весь день — да и ночью не просыпалась.

Я прочитал стихи про человека на льдине:

«Я, — пишет он, — Устал, находясь в карантине.

Мне бы со льдины сойти, — продолжает, — Среди белизны и сини
вдруг оказаться, — пишет, — На Санторини».

Я понимаю его — да и сам бы хотел на лоне
синего моря сидеть, на горячем песке в Барселоне,

где каталонки, волосы взяв в ладони,

острые груди свои предъявляют — ведь это у них в законе.

Что тут поделаешь, если такие нравы:

можно на них не смотреть, а пойти заказать себе Кавы;

тихо сидеть на веранде и думать о том, что правы

те, кто хвалу равнодушно приемлют, бегут клеветы и славы.

Я-то совсем другой: я себе на горе

сотню — не меньше — разных ужасных глупцов оспорил,

зная, что этого делать нельзя: что об этом и в Торе

сказано! Или я что-то путаю? Сорри.

Сильно сегодня меня пробивает на стансы:

мне надоело читать про модели прироста болезни, про смертность, про шансы;

или про то, как прекрасно справляются с вирусом Гансы

где-то на Рейне в Вестфалии (видимо, есть там нюансы).

Здесь не Германия. Здесь среди птичьего писка

к дому олени рогатые ходят, лисицы — так близко! —

зайчики, львы, пауки, куропатки — из списка

чеховской пьесы, в которой страдает актриска.

Всё-таки, в чём-то права невесёлая Грета...

Ладно, пойду почитаю немного поэта:

вроде бы он о другом, но посмотришь — ведь тоже про это —

всякая песня жива, покуда не спета.